

В тот самый день, когда Ши Цзянь получил премию «Оскар» за лучшую мужскую роль, больше всего в индустрии были поражены те, кто долгое время выживал в узких, тесных щелях между двумя гигантами – корпорациями «Чэньхуа» и «Жунцзин».

Имя Ши Цзяня впервые было вынесено на детальное обсуждение за длинным, холодным столом совещаний в развлекательной компании Яоцзин.

Се Юйцяо медленно перелистнула стопку материалов, лежавшую под рукой. Она мельком, почти равнодушно, взглянула на легкую, едва уловимую улыбку Ши Цзяня на фотографии – того самого юноши, что только что вернулся из Венеции с оглушительным триумфом, – и остановила свой взгляд на одной-единственной строчке, набранной мелким шрифтом в самом низу документа.

[Принадлежащая компания: R-Медиа.]

Се Юйцяо сидела во главе стола, воплощая собой сосредоточенность и власть. На огромном экране позади неё вспыхнуло изображение, демонстрирующее недавние, лавинообразно растущие репортажи о Ши Цзяне и его связи с R-Медиа.

Её голос, когда она заговорила, звучал пугающе спокойно:

- Мы не можем просто сидеть сложа руки. Нужно действовать немедленно.

Остальные присутствующие за столом, чувствуя тяжесть её тона, тихо и синхронно закивали в знак полного согласия.

Развлекательная компания Яоцзин была создана корпорацией «Жунцзин» с одной единственной, предельно ясной целью – составить жесткую конкуренцию медиа-индустрии «Чэньхуа».

Противостояние между «Чэньхуа» и «Жунцзин» длилось уже несколько лет. В деловом мире обе стороны следовали друг за другом, словно тени, предугадывая каждый шаг и каждый маневр противника.

Яоцзин была основана почти одновременно с R-Медиа, и было более чем очевидно, против кого именно она была направлена с самого первого дня своего существования.

Два руководителя этих структур, весьма известные и влиятельные фигуры в шоу-бизнесе, также давно стали заклятыми врагами, чья конкуренция растянулась на долгие годы.

Все эти годы между сторонами бурлили скрытые, опасные течения, а ход борьбы оставался предельно напряженным, напоминая затяжную позиционную войну.

Однако неожиданный, стремительный взлет Ши Цзяня нарушил прежнее, и без того хрупкое равновесие.

Все те бури, что пронесли по медиа-пространству в последнее время, разумеется, были делом рук Се Юйцяо.

Приемы в индустрии развлечений всегда были довольно примитивными и не слишком изощренными, но стоило им быть запущенными в ход, как противнику приходилось бросать все имеющиеся силы на ответные меры, чтобы просто удержаться на плаву.

Это была самая обыденная, самая стандартная бизнес-война.

- Она действует слишком быстро, и её ответный удар действительно вышел красивым, - холодно, с оттенком раздражения произнесла Се Юйцяо. - Если мы не контратакуем вовремя, R-Медиа окончательно захватит инициативу в этой ситуации, а это не сулит нам ничего хорошего.

Смена лидеров в индустрии развлечений происходит пугающе быстро, почти мгновенно: либо восточный ветер подавляет западный, либо западный - восточный.

Они безнадежно упустили свой шанс с фильмом «Безымянная птица». А поскольку компания, к которой теперь принадлежал Ши Цзянь, входила в состав R-Медиа, у них не было даже теоретической возможности перекупить его, предложив какие-либо, даже самые огромные деньги.

Значит, оставался только один единственный путь – уничтожить его.

Топ-менеджеры в зале, разделяя её жесткость, согласно закивали.

Се Юйцяо продолжила, и в её голосе прозвучал металл:

– Наша цель – не только Ши Цзянь. Чу Хуан хочет закрепиться на вершине, опираясь на одного оscarоносного актера, но я обязана показать ей свои методы.

В конференц-зале воцарилась тяжелая тишина, затянувшаяся на несколько секунд, пока кто-то из присутствующих наконец не спросил вполголоса:

– С чего вы планируете начать?

Се Юйцяо промолчала, но в её душе решение уже было принято и окончательно зафиксировано.

Нужно было аккуратно намекнуть, что Ши Цзянь получил свою роль нечестным путем. Нужно было посеять зерно сомнения, чтобы подтолкнуть общественность к размышлениям о его истинной квалификации и, что более важно, о его психическом состоянии.

В современной информационной войне неоспоримые доказательства не нужны – достаточно лишь создать атмосферу сомнения.

На экране цепочки поставок «Чэньхуа» и «Жунцзин» густо, словно паутина, переплетались. Каждая линия здесь была полем битвы, где открытые, яростные атаки сменялись скрытыми, коварными ударами.

И Ши Цзянь сейчас оказался на самой передовой, прямо в точке пересечения интересов обеих сторон.

Она снова взглянула на фотографию Ши Цзяня и усмехнулась:

– Раз уж противник дал нам такой удобный повод, не воспользоваться им – значит, пренебречь их любезностью.

После окончания совещания Се Юйцяо долго стояла у окна, медленно покручивая в пальцах бокал с остатками шампанского. Она смотрела куда-то вдаль, мысленно поднимая торжествующий тост.

«В этот раз тебе не удастся победить так легко, старшая сестра Чу».

С того самого момента скрытая борьба капиталов стремительно переместилась из темных кабинетов под ослепительный свет софитов, превратившись в открытую, беспощадную травлю в медиа-пространстве.

На фотографии Ши Цзянь смотрел мягко и незащитно. Он даже не подозревал, что его принудительно втянули в давно расставленную шахматную партию, где ему суждено стать первой фигурой, которая будет изранена лезвиями этой жестокой битвы.

А такой злобный ветер, несущий с собой песок и острые камни, способен содрать кожу до крови. В одиночку противостоять ему было просто невозможно.

- Компания собирается полностью запустить твой план продвижения, сделав тебя центральным ядром бренда во второй половине года. Эта новость будет официально объявлена в самое ближайшее время.

Услышав это от сотрудника, Ши Цзянь ошеломленно замер, словно его ударили наотмашь.

За этим последовали бесчисленные, плотно сбитые графики и планы, тщательно подготовленные для него, но совершенно ему не принадлежащие. В одно мгновение все они расплылись перед глазами, превратившись в бессмысленный шум.

Ши Цзянь глубоко погрузился в свои мысли.

Он вспомнил слова Чу Юня, смысл которых он совершенно не понимал в те дни. Теперь же они казались ему пугающе логичными и точными.

Вернувшись в резиденцию Чжоуинь, Ши Цзянь подумал, что, возможно, в этот раз он действительно сможет нормально, по-человечески поговорить с Чу Юнем, но того не оказалось дома.

Кончики его пальцев долго и заметно дрожали, прежде чем он наконец решился и набрал номер.

Когда звонок прошел, он долго слушал холодное, давящее молчание в трубке. Набравшись смелости, он заговорил:

- Я только что узнал о планах компании, я...

Чу Юнь тут же, резко и бескомпромиссно перебил его:

- Ты всего лишь пешка в мире бизнеса, стоит ли так удивляться?

Разговор оборвался так же резко, как и начался.

Ши Цзянь медленно, почти механически, опустил телефон.

Чу Юнь всегда был таким резким, таким колючим, просто Ши Цзянь никак не мог к этому привыкнуть, сколько бы времени ни прошло.

Оранжевая уже вернулась в свое прежнее, идеальное состояние. Даже разбитые когда-то бутылки были аккуратно расставлены по своим местам.

Тот абсурдный, безумный день теперь казался всего лишь сном.

Возможно, это действительно был сон, ведь он всегда с трудом отличал призрачные сновидения от суровой реальности.

Но те бутылки не были драгоценными камнями, которые трудно различить. Некоторые из них он просто подобрал по пути, и на их стекле остались глубокие царапины, которые было

невозможно восстановить.

Это неопровержимо доказывало, что всё, случившееся с того дня, было горькой правдой.

Цветы и травы медленно расправляли свои листья. К счастью, то, что Чу Юнь когда-то с силой разбил ногой, было всего лишь неприметным сциндапусом – растением дешевым, но обладающим поразительной, почти упрямой жизненной силой. Даже когда дорогой, изысканный горшок, в котором он рос, разлетелся вдребезги, растение продолжало прекрасно жить.

Ши Цзянь впервые в жизни не смог обрести покой, глядя на эти расправляющиеся зеленые листья.

Он никогда даже не предполагал, что съемки в одном-единственном фильме толкнут его жизнь в столь чуждую, холодную сферу.

Он не считал честью стать лицом бренда огромной корпорации, да и мучительным это назвать было нельзя. Просто в самой глубине души возникло необъяснимое, гнетущее чувство дискомфорта.

В то же время на него обрушилась волна необоснованной поддержки и восторженных похвал от фанатов со всех сторон. Это было похоже на прилив, который внезапно ворвался в тихую, закрытую комнату и затопил все растения, заставив его чувствовать себя еще более неловко и неудобно.

Он был искренне благодарен за эту доброту, но в то же время испытывал бессильную, глухую растерянность.

Столкнувшись с лавиной так называемой «стратегии бренда», он трезво и с горечью осознал, что не может контролировать даже свой собственный образ, не говоря уже о будущем.

Возможно, он действительно, как и сказал Чу Юнь, был лишь пешкой на огромной шахматной доске госпожи Чу – фигурой, у которой нет даже элементарного права на борьбу или сопротивление.

Ши Цзянь прислонился к цветочнице, глядя на стеклянные бутылки, которые всё так же преломляли свет, создавая причудливые блики.

Он считал, что пожертвовал всем ради фильма, погрузившись в роль настолько глубоко, что больше не мог из неё выбраться. Но теперь он понимал, что это была лишь нелепая, отчаянная попытка сбежать от реальности.

Тот мир не требовал от него догадок и анализа. Там были лишь чистые, первобытные эмоции: радость и гнев, печаль и восторг, боль и полное отчаяние.

Возвращение же в реальность оказалось куда более тяжелым и изнурительным испытанием.

Он крепко сжал в ладони дешевую стеклянную бутылку, погрузившись в тяжелые раздумья. Он думал о том, что человек, который в реальном, осязаемом мире отчаянно борется за свое место и ищет того, кто ему по-настоящему дорог, конечно же, обречен быть более одиноким и беспомощным, чем любой другой.

А как же Чу Юнь...

Он стоит на самой вершине мира капитала, в бесконечном поиске истинного искусства, и он... тоже одинок?

Эту нелепую, почти наивную мысль мог породить только измученный и, возможно, слегка больной мозг Ши Цзяня.

Ведь единственной реальной заботой молодого господина Чу в этом мире была старость и неизбежная смерть, которые должны были прийти лишь спустя многие десятилетия.

Но вскоре у Ши Цзяня не останется времени даже на эти бессвязные бредни, рождающиеся в его изнуренной голове.

Он был полностью, без остатка поглощен безжалостным миром капитала.

Возможно, в каком-то смысле это означало, что он стал еще на один шаг ближе к тому холодному и отстраненному миру, в котором жил Чу Юнь.

Не прошло и недели после того, как первая буря утихла, как в сети всплыл новый провокационный пост под названием: «Ракетная скорость нового киноактера С.: это заслуженная награда за усердие или искусственное создание бога капиталом?».

В этом тексте подробно сравнивались ресурсы, доступные актеру до и после получения престижной награды. Автор упоминал, что последние три года Ши Цзянь находился практически в полном забвении, а при детальном разборе старых работ выяснилось, что в большинстве кадров он служил лишь безликим фоном. Это создавало необъяснимую, почти противоестественную пропасть между его прошлым опытом и триумфом в фильме «Безымянная птица».

В самом посте не назывались конкретные имена, чтобы избежать прямых обвинений, но через тщательную хронологию и карту взаимных интересов намеками выстраивался замкнутый круг. Этот круг связывал воедино Ши Цзяня, «Безымянную птицу», R-Медиа, корпорацию «Чэньхуа» и некоторые сомнительные культурные льготы, что немедленно вызвало массу грязных домыслов.

В завершение автор добавил едкую фразу: «Мы искренне ценим таланты, но должны также внимательно изучать состав почвы, из которой эти таланты прорастают».

Многие независимые медиа-ресурсы, словно заранее договорившись между собой, начали массово пересылать и комментировать этот пост. Всего за несколько часов эта скрытая, но расчетливая атака была выведена в топ самых популярных поисковых запросов.

«Остерегайтесь "создания богов": кто на самом деле стоит за загадкой этого киноактера?»

«От полного нуля до "Оскара": сколько на самом деле стоит титул киноактера в наши дни?»

«Упаковка капиталом слишком очевидна, не так ли? Разве вы не считаете, что этот новичок стал популярным слишком внезапно и подозрительно?»

Волна сомнений стремительно нарастала, и всего за полчаса имя Ши Цзяня вновь оказалось в самом эпицентре яростных сетевых дискуссий.

Однако почти в то же самое время начали быстро сплотяться и те, кто безоговорочно поддерживал Ши Цзяня.

«Боже мой, времена действительно изменились, если даже оscarоносного актера можно подвергнуть таким сомнениям!»

«Ши Цзянь покорила жюри своей игрой, и точка. Я смотрю только на факты. Те, кто просто идет на поводу у толпы, сначала посмотрите фильм, а потом открывайте рот. Если вы хотите обвинить меня в том, что я рекламирую картину, то можете посмотреть пиратскую версию, довольны?»

«Если ты такой умный, попробуй сыграй сам! Найди мне хоть кого-то, кто больше подходит на роль Пэн Шу, чем Ши Цзянь, и я лично поклонюсь тебе в ноги!»

Обычные люди, захваченные огромной, неуправляемой волной общественного мнения, разделились на два четких, непримиримых лагеря.

«Даже если он получил "Оскар", разве метод погружения не может быть всего лишь грамотным маркетинговым трюком капитала? Сколько артистов точно так же внезапно прославились, чтобы затем быстро и бесследно угаснуть?»

«Почему нужно обязательно подвергать сомнению талантливого актера? Ши Цзянь не сделал ничего плохого, он просто ухватился за свой шанс и сделал всё возможное, чтобы безупречно сыграть роль».

Ситуация кардинально изменилась, когда в дискуссию вступил режиссер Ли Фань, чья последняя запись в социальных сетях была сделана пять лет назад.

«Ши Цзянь в своей актерской игре искренен и абсолютно достоин уважения. За сорок лет работы в этой индустрии я ни разу не ошибся в выборе людей».

Этот всемирно известный режиссер, чья блестящая карьера длилась четыре десятилетия, лично превратил в легенд многих великих актеров и актрис.

Его поддержка в значительной степени заставила колеблющихся изменить свое мнение. Это практически полностью перевернуло направление общественного мнения, позволив человеку, оказавшемуся на самом острие атаки, временно обрести почву под ногами.

Закончив доклад о последних событиях, Ли Чжися замер в напряженном ожидании ответа.

Чу Юнь выглядел как обычно: он держал в руках брошюру, но долгое время не переворачивал ни одной страницы, словно погрузившись в свои мысли.

- Иди и выясни, - наконец заговорил он.

В его голосе сквозило холодное недовольство. Кто посмел не бояться смерти и раз за разом испытывать его терпение?

Ли Чжися быстро и покорно закивал:

- Понял, я немедленно займусь этим! - сказав это, он осторожно, почти робко добавил:

- Госпожа Фан просила передать, что один популярный артист по имени... Чэнь Линьфэн, пришел просить разрешения занять...

Он не успел договорить, так как один лишь ледяной взгляд Чу Юня заставил его мгновенно проглотить оставшиеся слова.

Сейчас у молодого господина совершенно не было настроения слушать этот бессмысленный бред.

Ли Чжися быстро перелистнул тему и перешел к другому, более сложному, но неизбежному вопросу:

- Насчет помощника Сун... У господина завтра запланирована съемка для журнала...

Его голос становился всё тише и тише.

Чу Юнь усмехнулся, и его слова прозвучали холодно, словно треснувший лед:

- Сейчас? Работа?

Ли Чжися, низко опустив голову, выпалил всё на одном дыхании, боясь сделать паузу:

- Помощник Сун сказал, что это обложка ежегодного спецвыпуска «VGO Jewelry». Основной стиль – ретро-ювелирные изделия высшего класса, тема – «Сокровища века». Это идеально сочетается с образом господина как «художника века»... это очень подойдет господину... – сказав это, он не осмелился поднять голову, не слыша в ответ ни единого звука.

- Исчезни.

Ли Чжися, мастерски умеющий исчезать в одно мгновение, пулей вылетел из комнаты.

Когда Чу Юнь вернулся в резиденцию Чжоуинь и едва коснулся дверной ручки, дверь с шумом распахнулась перед ним.

- Ты вернулся, – с мягкой улыбкой произнес Ши Цзянь.

Чу Юнь нахмурился, и в глубине его глаз на мгновение промелькнула мимолетная, глубокая усталость.

Он мельком взглянул на Ши Цзяня и прошел в дом, не задерживаясь ни на секунду:

- Почему еще не спишь?

Его тон был спокойным, а голос холодным и почти отстраненным.

Ши Цзянь подсознательно отодвинулся в сторону, уступая дорогу, и бережно принял его снятое пальто.

Он не ответил.

Не потому, что не хотел, а потому, что действительно не знал, что именно стоит ответить.

Сказать, что он ждал Чу Юня? Признаться, что боялся доставить ему еще больше неприятностей?

Это вызвало бы лишь еще более язвительные и жестокие насмешки.

Чу Юнь обернулся к нему, и уголки его губ приподнялись в холодной, ироничной усмешке:

- Что, хочешь узнать, насколько ты сейчас знаменит?

Его язвительный тон, словно острые, невидимые ворсинки, легко и болезненно опустился на Ши Цзяня.

Ши Цзянь хотел что-то сказать, но Чу Юнь внезапно развернулся и направился прямо из комнаты.

Юноша замер на пару секунд, подсознательно последовав за ним, и увидел лишь холодный, одинокий силуэт Чу Юня, скрывшийся в кабинете.

Ши Цзянь остановился в бледном свете лампы в конце коридора, прижимая к груди пальто, которое всё еще хранило тепло чужого тела, и снова замолчал.

В груди постепенно разрасталось гнетущее чувство растерянности.

Человек, поднявший волну во всем мире, в этот момент, в их личном пространстве, стал таким маленьким и потерянным.

Он не понимал, что должен сделать, чтобы больше не злить Чу Юня, чтобы всё наконец вернулось к прежним, простым и понятным дням.

Он едва слышно, почти невесомо вздохнул.

Он действительно... совершенно не знал, что теперь делать.

Это была область, в которой он чувствовал себя абсолютно беспомощным.

<http://bllate.org/book/17941/1720615>